

Научная статья
УДК 141.3
doi: 10.17223/15617793/479/7

Две парадигмы биополитики: перспективы возможного синтеза концепций М. Фуко и Дж. Агамбена

Василий Николаевич Сыров¹, Ярослав Алексеевич Сединин²

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ narrat@inbox.ru

² comsedinin@gmail.com

Аннотация. Делается попытка синтеза двух теоретических подходов к рассмотрению современного общества с точки зрения политики биовласти. Отмечается ограниченность концепций М. Фуко и Дж. Агамбена. Предлагается возможность их синтеза посредством «встраивания» концепции Агамбена в теорию биовласти Фуко. Отмечается возможность расширения понятия «исключения» путем демонстрации, что институты «гражданского общества» также могут функционировать как биополитические.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, чрезвычайное положение, либерализм, структура исключения, homo sacer

Для цитирования: Сыров В.Н., Сединин Я.А. Две парадигмы биополитики: перспективы возможного синтеза концепций М. Фуко и Дж. Агамбена // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 63–73. doi: 10.17223/15617793/479/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/7

Two paradigms of biopolitics: Prospects for a possible synthesis of the concepts of Michel Foucault and Giorgio Agamben

Vasily N. Syrov¹, Yaroslav A. Sedinin²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ narrat@inbox.ru

² comsedinin@gmail.com

Abstract. The article attempts to synthesize two theoretical approaches to consideration of modern society: the approaches of Michel Foucault and Giorgio Agamben. The limitations of both concepts are noted. The value of this study lies in an attempt of offering the possibility of combining them. The validity of this approach stems from the fact that these two concepts are limited. Attempts to impose one or another model of biopolitics on modern society as a whole will be limited in theoretical terms. The article shows that Foucault's approach is primarily focused on the analysis of contemporary Western democracies, in particular France. Foucault identifies biopolitics with liberalism, which means that biopolitics is a new art of management. The limitations of this approach are revealed at the moment when we ask the question posed by Agamben. The question concerns the field of research on the policy of concentration camps in Germany in the 1930s–1940s. According to Agamben, any biopolitics is a continuation of the processes taking place in the concentration camp. Nevertheless, he comes to the conclusion that biopolitics is a policy of exclusion within the framework of a state of emergency. Thus, he actually rejects Foucault's concept of "regulation of life". After the descriptions of these concepts are given in the article, there is an attempt to "embed" Agamben's concept into Foucault's theory of bio-power. Biopolitics functions as the "regulation of bare life", and the "exclusion structure" permeates liberal societies. Therefore, the problem of this study could be represented in the following questions: Is it possible to include Agamben's theoretical construct ("bare life", "sovereignty of power", as well as "state of emergency") in the composition of the Foucauldian analysis of modern Western society? And, if it is possible, how could it be done? At the same time, it is important to preserve the specifics of these two approaches. In order to prove this, the thesis is put forward that within the framework of the new art of management (neoliberalism), market actors are also institutions of biopolitics and perform the function of "exclusion". As a result, by combining two different approaches to the problem of bio-power, the article shows how it is possible to represent the regulation of life (Foucault's concept) through sovereign exclusion/rejection (Agamben's concept), delineating the areas of responsibility of bio-power and preserving the logic of Foucault's reflections on the connection between biopolitics and the liberal art of management ("civil society" as an institution of regulation of "bare life").

Keywords: biopolitics, bio-power, state of exception, liberalism, structure of exception, homo sacer

For citation: Syrov, V.N. & Sedinin, Ya.A. (2022) Two paradigms of biopolitics: Prospects for a possible synthesis of the concepts of Michel Foucault and Grigorio Agamben. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 63–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/7

Введение

При исследовании современного общества как биополитического, т.е. общества, основанного на особенной конфигурации власти над «жизнью», можно столкнуться с двумя господствующими концепциями биополитического: Фуко, с одной стороны, и Агамбена – с другой. Как известно, концепция биовласти была введена (или разработана) в цикле лекций Фуко «Нужно защищать общество». Ключевая идея этого курса лекций заключалась в тезисе, что измерение «жизни» определяет функционирование биовласти. Эта идея затем развивается в курсе лекций «Рождение биополитики» в направлении отождествления ее с либеральным искусством управления. К сожалению, из-за нехватки времени Фуко, как пишет Дьяков [1], не успел полностью проанализировать связь либерализма и биополитики в современном обществе, тем самым дав возможность его интерпретаторам сделать это самостоятельно. Вторая же концепция, предложенная Дж. Агамбеном, отчасти основывается на первой, но фокусирует внимание на особенной «структуре исключения» и ее связи с «чрезвычайным положением». На первый взгляд, может показаться, что между этими двумя концепциями существует явный «эпистемологический разрыв», поскольку описание биополитики Фуко скорее можно отнести к анализу современных ему западных обществ, тогда как анализ Агамбена отражает специфику частного функционирования биополитики (например, «борьбу с терроризмом» как чрезвычайное положение, или особенности концентрационных лагерей в нацистской Германии) [2. С. 20]. Иными словами, концепция биополитики Агамбена, где в центре располагается «голая жизнь», которой оперирует суверенная власть, преимущественно в качестве модели, описывает ситуации «чрезвычайного положения» (нацистский режим в Германии, пандемия короновирусной инфекции, «война с терроризмом» и т.д.), а модель биовласти Фуко, которая основывается на либеральном искусстве управления, описывает современные либеральные демократии.

Однако выдвинем тезис, что и в концепции Агамбена и в концепции Фуко, ядром биополитики является регуляция «жизни» (у Агамбена регуляция «голой жизни»). Эти концепты, по сути, являются тождественными, с тем лишь отличием, что «голая жизнь» имеет более наполненное содержание, а не сводится к просто физиологическому существованию человека (как у Фуко). Но при этом они отличаются в двух аспектах: 1) у Фуко биополитика становится возможной благодаря появлению либерального искусства управления; у Агамбена биополитика существует там, где существует отношение исключения/отвержения в рамках политического; 2) биовласть Фуко функционирует как постоянная практика власти; у Агамбена биополитика как зона

регуляции «голой жизни» осуществляется в рамках «чрезвычайного положения». Суверенная власть, по Агамбена, при этом может постоянно заниматься регулированием существования homo sacer, но лишь тогда, когда общественная ситуация может быть определена как «чрезвычайная» (как ситуация неотличимости между правом и приостановкой права). В таком случае на основании какого из двух подходов мы можем назвать современное общество биополитическим? Таковым оно может быть только в трех случаях: 1) мы на теоретическом уровне отвергаем анализ Агамбена и целиком принимаем анализ Фуко; 2) мы соглашаемся с ограниченным анализом Агамбена при этом целиком принимаем фуколдианскую концепцию; 3) мы пытаемся объединить два подхода к биополитике (в сущности, этот вариант является модификацией второго, с тем лишь отличием, что второй вариант предполагает редукцию концепции Агамбена к концепции Фуко, подчинение первой концепции второй). Ценность данного исследования, следовательно, заключается в попытке, сохраняя автономность и значение каждой из концепций, попытаться проанализировать их связь и предложить возможность их объединения. Правомерность такого подхода проистекает из факта ограниченности двух концепций (что будет показано в ходе исследования). Иными словами, попытки наложить ту или иную модель биополитики на современное общество, в целом, в теоретическом плане будут ограниченными. Поэтому наша гипотеза заключается в следующем утверждении: современное капиталистическое общество обладает всеми структурами устройства политического и социального, анализ которых приводит нас к мысли о биополитичности общественной структуры. Но их описание в теориях Фуко и Агамбена содержится по-отдельности, так что, назвать современное либеральное общество с опорой только на Агамбена биополитическим (не считая состояния чрезвычайного положения), а также представить регуляцию «жизни» как функцию исключения, т.е. «выпадения» жизни индивида из повседневного порядка вещей, с опорой только на концепцию Фуко (поскольку в рамках регуляции «жизни» сама «жизнь» становится объектом манипуляций власти, что приводит к изменению ее статуса). Под этим новым статусом мы понимаем полную захваченность «жизни» в ее биологическом проявлении властью и институтами «гражданского общества», прежде всего экономическими субъектами.

Таким образом, мы можем поставить проблему данного исследования: возможно ли и каким образом включить теоретический конструкт Агамбена («голая жизнь», «суверенитет власти», а также «чрезвычайное положение») в состав фуколдианского анализа современного западного общества, сохраняя при этом специфику двух подходов.

Биополитика и homo sacer

В работе «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» Дж. Агамбена для описания современного общества используется модель концлагеря. Дж. Агамбен, анализируя античное понятие «голая жизнь», приходит к неожиданному выводу, заявляя, что в основе политической онтологии лежит так называемая структура исключения. Иначе говоря, политическое конституируется как акт некой суверенной власти, сопровождающейся исчислением «народа» и дальнейшим отчуждением от целого социального тела определенной части этого «народа». Само по себе понятие «голая жизнь» относится к той категории индивидов в Античности, в отношении которой было невозможно ритуальное убийство, принесение жертвы богам. Однако при этом «голую жизнь» волен убить каждый. Никакого ограничения в этом случае античное право и традиции не предполагали. «Голая жизнь» представляется в данном контексте как то, что абсолютно отчуждено от социального тела и власти, поскольку жизнь homo sacer, во-первых, может оборваться в любой момент по произволу граждан, во-вторых, homo sacer, по сути, исключены из функционирования политических институтов и не имеют четкого места в системе общественного разделения труда [3. С. 107]. Но такой способ существования, отмеченный высшей степенью отчуждения, по словам Агамбена, в этот же самый момент становится максимально интимным отношением с властью. Иными словами, отчуждая от общественного организма «голую жизнь», суверенная власть формирует модус абсолютного господства над «голой жизнью», сближаясь с ней насколько это возможно [3. С. 233] (например, фигура еврея в нацистском концлагере: с одной стороны, еврей в концлагере для нацистов не считается субъектом общества, он исключен из него, но с другой стороны, это исключение произведено властью, и власть тем самым полностью господствует над ним, его жизнь целиком определена волей власти. В этом смысле отношение исключенного и власти являются максимально близкими).

Такая парадоксальная ситуация утверждает бытие homo sacer как бытие в «зазоре». Этот зазор, в терминологии Агамбена, находится между zoe и bios, т.е. между природным состоянием животного и политическим существованием индивида. Структура исключения, таким образом, сигнализирует о ключевой особенности суверенной власти. Исключение, будучи произведенным, всегда является исключаящим включением, или иначе включающим исключением (Агамбен отмечает между ними существенное различие, но в конце концов указывает на то, что структура исключения составлена из этих двух типов в совокупности). Тем самым, суверенная власть создает зону неразличимости между внутренним и внешним, естественным и правовым. В таком случае мы можем назвать это исключение суверенным исключением или же отвержением, т.е. абсолютным господством закона над теми, кто был отвергнут, поскольку отвержение сопровождается «выпадением» homo sacer из

общественного поля, из чего следует, что закон есть единственное с чем homo sacer поддерживает отношения, и это есть отношения отвержения кто был отвергнут [3. С. 41].

Термин «чрезвычайное положение», характеризующий суверенную власть, является еще одним важным для Агамбена понятием. Поскольку в результате суверенного исключения становится невозможным отделить zoe от bios, внутреннее от внешнего, то ситуация чрезвычайного положения предстает временной приостановкой обычного порядка. Иначе говоря, сама структура политической и общественной жизни предполагает временное изъятие нормы из правового порядка, в результате чего сама норма и право приостанавливаются. Но такая приостановка не означает отмену права и закона, а, скорее, подразумевает их утверждение и сохранение. Тем самым суверенная власть, способная осуществить чрезвычайное положение, находится одновременно и вне и внутри права. Находясь внутри правового поля, она вписывает себя в него и обычный порядок общественной жизни. Но в это же время, располагаясь вне его и приостанавливая любое правовое установление, суверенная власть способна его учреждать и сохранять [3. С. 53].

«Голая жизнь» в данном диспозитиве является элементом и оператором суверенной власти в том смысле, что ее статус, как существующий в «зазоре» между естественной жизнью и политическим субъектом, аналогичен статусу права при чрезвычайном положении. Граница, которая могла бы разделить жизнь и политическую субъектность, размыта или совершенно отсутствует, что, тем самым, предполагает наложение жизни на политическую субъективность. В результате для «голой жизни» характерно перманентное чрезвычайное положение [3. С. 235]. Также можно отметить, что в момент ввода чрезвычайного положения субъекты общества потенциально могут стать «голой жизнью» в силу неразличимости права от его приостановки, что не может автоматически гарантировать отсутствие произвола властных и государственных инстанций, и, следовательно, субъект полностью подпадает под юрисдикцию власти, хотя бы и потенциально (ситуация подобного произвола возможна из-за отсутствия хотя бы видимых правовых гарантий субъекту, идет ли речь о гражданских или политических правах).

Таким образом, концепцию биополитического у Агамбена можно представить следующим образом: биополитика функционирует как исключение/отвержение субъекта, что приводит к преобразованию существования человека в «голую жизнь». При этом ситуация чрезвычайного положения сопровождается процессом исключения, поскольку исключение может функционировать только при изъятии нормы из обычного правового порядка, в ситуации неразличимости, о который мы писали несколько выше.

Дисциплинарное общество у Фуко

Для того чтобы теперь рассмотреть биополитику с другого ракурса, стоит обратиться к концепции поли-

тического, разработанной в трудах Фуко. Обращение к Фуко позволяет выделить две крупные политические парадигмы общества последних трехсот лет, а именно дисциплинарную и биополитическую. Дисциплинарное общество, которое Фуко характеризует главным образом в работе «Надзирать и наказывать», отличается становлением практик надзора и контроля [4. С. 164]. Отсюда его параллели с пресловутым «паноптикумом» [5. С. 240]. Дисциплинарное общество основывается на отношении «знание–власть», что проявляется в становлении практик дисциплинирования тел. Говоря кратко, это означает становление институций власти по надзору за населением (институты микровласти), где надзор выступает в форме обеспечения, прежде всего, социальных потребностей индивидов. К таким институциям можно отнести институт образования и в частности школу, профсоюзы, клинику, институт социальных работников и т.д. К практикам осуществления контроля за индивидами можно отнести установление различных категорий дискурса власти, таких как «адекватное» психическое состояние, «гражданин» по окончании школы, «ответственный» избиратель и т.п. В совокупности процессы надзора и контроля за индивидами, в конечном счете, предстают «продуктивным характером власти», т.е. определенным режимом обращения с телами, который формирует тот или иной класс индивидов (например, тюремный режим обращения с телом «преступника» производит класс преступников [6. С. 29]).

Дисциплинарное общество отличается от иных типов конфигурации власти главным образом тем, что прежний суверенитет власти (королевской, например) был подвергнут определенной «демократизации» и вписыванию его в систему права, сформулированную эпохой Просвещения [4. С. 56]. Ограничение суверенитета власти при одновременном становлении дисциплинарных практик над телом индивида и коллектива создает зону гетерогенности между двумя властными порядками, которые, однако, не находят позитивного упреждения друг в друге. Дело в том, что система права и практики обращения с телом находится в отношении некоторого напряжения, поскольку область суверенного правового действия делегирует каждому субъекту права всеобщую и необходимую правовую волю и тем самым насаждает ее, выстраивая систему господства властного суверенитета, а дисциплинарные практики служат цели «нормализации» индивидов. Фуко пишет, что, по сути дела, мы сталкиваемся с двумя противоположными дискурсами: с дискурсом дисциплины, который основан на суверенитете и господстве, и с дискурсом порядка, т.е. законности, дисциплинарные практики по отношению к которому являются априори чуждыми [4. С. 57].

Конфигурация политической системы в рамках дисциплинарной сетки власти будет воплощаться в образе центристского правительства. В этом контексте Ж. Рансьер предложил понимать современную политическую систему как центристскую утопию (которая, однако, в принципе не реализуется в действительности). Это означает, что в основу политического положен принцип социальной редукции политическо-

го, т.е. *распределения властей и связанных с ними воображаемых инвестиций*. Место политического центра должен занять средний класс, чтобы центр власти не был представлен противоположными относительно своих интересов классами, а умеренным средним классом «не-бедных» и «не-богатых». Центр, таким образом, перестал бы быть местом постоянного социального напряжения [7. С. 33]. В противовес социальной редукции политического, политическая редукция социального будет проявляться в политике распределения богатств. Принципы государственного капитализма, дирижизма, «мягких» форм социализма (левая социал-демократическая модель) и другие одновременно становятся экономическими средствами достижения социального равенства (хотя бы в его видимой форме) с целью опять-таки снять классовое напряжение, но уже в рамках социального.

Ж. Рансьер отмечает между двумя этими принципами (двумя редукциями) своего рода разрыв, который заключается в том, что политическая власть может основываться только на одном из типов редукции [7. С. 34]. Здесь мы не можем согласиться с Рансьером. Мы склонны синтезировать принципы редукции социального и политического. Дисциплинарное общество, как отмечалось выше, конституируется зоной гетерогенности между правовой системой и дисциплинарными практиками, из чего мы можем сделать вывод, что сторона суверенного закона (система права) является зоной редукции политического социальным, т.е. система права и правительство будут оформляться сообразно центристской утопии. Демократизованный суверенитет, либеральные ценности, правовое равенство и господство представительства среднего класса во власти является образом развитой западной державы в XX в. С другой стороны, политика равенства и распределения богатств, а также введение всеобщего образования, изменения в организации тюрем (перенос акцента в наказании на тело и его дискурсивное измерение) и подобное говорят о том, что политика равенства постепенно со-внедряется и совмещается с практиками дисциплины тела. Именно в этом смысле, на наш взгляд, возможно их отождествить.

Биовласть и биополитика в работах Фуко

Как известно, Фуко отмечал, что важнейшим событием появления и дисциплинарной власти и биополитики связано с возникновением политэкономии и появлением нового типа искусства управления (либерализма) [1]. Этот новый типа искусства управления находит свое основание в экономике по двум причинам.

Во-первых, для неолиберализма как одной из форм биополитики, наследующей и перерабатывающей классический либерализм, регуляция «населения» в экономических терминах неприемлема, поскольку неолиберализм утверждает эффективность механизмов невмешательства в рыночные процессы, а также их самостоятельную регуляцию. Следовательно, власть, а конкретнее правительство, все еще исхо-

дит из принципа искусства управления, который говорит о необходимости эффективно распоряжаться ограниченными социально-экономическими ресурсами, но уже вне экономической деятельности. Фуко определяет искусство управления как совокупность способов обеспечить стабильность политической власти с опорой на экономическую структуру [8. С. 191]. В XIX в. с появлением политэкономии этот принцип стабильности начинает связываться с экономической реальностью. Следовательно, эффективность управления будет зависеть от адекватного экономического регулирования, но так как неолиберализм отвергает принцип государственного вмешательства, то проблема необходимости эффективного управления (экономикой, но и вообще социальной реальностью) остается. Таким образом, нужен иной тип искусства управления. Иными словами, проблема регуляции «народонаселения» остается, но привычных средств ее решения более не существует (например, политика полной занятости во Франции или протекционистская политика в ФРГ). Тогда получается, что регуляция народонаселения становится, с одной стороны, определенным дисциплинарным механизмом, но он также может являться и механизмом биополитическим, что мы продемонстрируем ниже.

Во-вторых, переход общества к биополитической парадигме Фуко связывает с трансформацией самого политического, а именно сменой политической рациональности [1]. В лекциях, прочитанных в Коллеж де Франс, носящих имя «Рождение биополитики», Фуко как яркий пример приводит изменение государственной практики в послевоенной ФРГ. Западногерманский политический истеблишмент, по мысли Фуко, не мог исходить из логики истины политического, т.е. государство и его легитимность в глазах народонаселения не должны основываться на логике политической. Иными словами, государство не должно учреждать институт суверенитета, диалектика учредительной и учреждаемой власти должна быть отринута, поскольку именно на этой логике был основан нацизм, и более того, нацистская партия была учредительной властью даже тогда, когда новый политический порядок власти уже был учрежден, что в итоге привело к ситуации перманентного чрезвычайного положения в Германии. Следовательно, правительство и государство должны найти опору в чем-то ином, суверенитет власти не должен реализовываться посредством символично-политического насилия и принуждения. Тогда такой опорой послужит экономика, а новым искусством управления станет рыночный обмен со специфическим государственным вмешательством – *laissez-faire* [1].

Однако в таком случае возникает проблематичная ситуация – каким образом правительство может черпать свою легитимность и суверенитет, если правительство всегда действует в рамках создаваемой системы права, тогда как тут мы имеем дело с экономическими агентами? В этой ситуации мы имеем дело, по сути, с двумя различными субъектами: с субъектом права и с экономическим субъектом. «Нужен новый план референции, и этот новый план референции,

очевидно, не будет ни совокупностью субъектов права, ни рядом торговцев или экономических субъектов, или экономических деятелей» [1]. Этим новым планом референции будет выступать «гражданское общество», которое есть мера юридической индексации экономики. «Гражданское общество» тем самым является элементом, не позволяющим разделить искусство управления экономикой и юридическое искусство управлять. При этом оно является ответственной технологией либерализма в той мере, в какой оно «населено» людьми экономическими, т.е. *homo economicus*: «*Homo economicus* и гражданское общество являются частью одного и того же ансамбля, ансамбля технологии либерального руководства» [1]. Теперь необходимо выяснить, как именно связан механизм работы биополитики с новым либеральным искусством управления? Для этого мы первоначально поставим несколько проблематизирующих вопросов: 1) управление чем (индивидом, или «гражданским обществом», или экономическим субъектом, или субъектом права)? 2) Какие социальные следствия вытекают из переноса внимания власти на «народонаселение» (пока вне зависимости от ответа на первый вопрос)?

Если вспомнить концепцию суверенитета Т. Гоббса из «Левиафана», то становится возможным выделить два типа «множества» (имеется ввиду граждан, населяющих определенное пространство, и которых мы можем назвать субъектами политического): *disunited multitude* (разобщенное множество) и *dissolute multitudo* (растворившееся множество). Их ключевое отличие заключается в том, что разобщенное множество предшествует растворившемуся, но между ними расположен элемент суверенитета в фигуре Господина (короля). Разобщенное множество конституирует фигуру суверена для того, чтобы преодолеть собственную разобщенность, делегировав абсолютную волю суверену посредством договора, после чего множество растворяется в фигуре суверена. Однако в этом отношении существует ситуация круга, поскольку основа разобщения множества содержится в событии, которое можно назвать гражданской войной, войной всех против всех. К этому состоянию в обществе всегда существует определенная потенция, поскольку в растворившемся множестве может содержаться соблазн делегировать суверенитет другому Господину [9. С. 60–61]. Однако власть находит способ решения данной проблемы. Он находится в новом объекте, который так любезно, благодаря аналитической и вообще исследовательской работе, предоставила биология. Этим объектом становится жизнь. Жизнь в ее биологическом понимании, т.е. как факт физиологического существования индивида, становится главным предметом манипуляции биовласти. В случае с биополитикой суверенитет биовласти реализуется в регуляции «жизни» внутри множества, иными словами, суверенитет обращается к физиологическому элементу субъектов для осуществления правления и предотвращения распада общества (состояние гражданской войны). Иными словами, для того чтобы предотвратить распад общества, власть может «смещаться», а также «смещать» акценты

относительно объектов своей манипуляции. В случае с биополитикой новым объектом функционирования оказывается «жизнь».

Ранее мы задались вопросом, что находится в центре политической онтологии биополитики, теперь мы можем со всем основанием заявить, что «жизнь» является объектом биополитики, а также что биополитика функционирует за пределами отношений «гражданского общества». Это означает, что субъекты гражданского общества, а именно субъект права, как он не имеет отношения к суверенной власти, и субъект рыночных отношений, не имеют прямого отношения к суверенной власти и функционируют в иных ее регистрах. Говоря о регуляции жизни, мы имеем ввиду особую «озабоченность» власти по поводу самого феномена жизни. Как пишет Фуко, в биополитической парадигме появляется «новое право: право заставить жить и позволить умереть» [4. С. 255]. Эта «озабоченность» проявляется в том, что «власть овладела жизнью, или сказать, что в XIX веке власть взяла на себя ответственность за жизнь, значит именно сказать, что власть начала охватывать все пространство, которое тянется от органического к биологическому, от тела к населению, с помощью двойной технологии, с одной стороны, дисциплины, с другой – регулирования» [4. С. 267]. Таким образом, если под искусством управления мы понимаем наиболее эффективное воздействие на общественные институты, связанные с механизмами регуляции, контроля и т.д. для достижения стабильного общественного воспроизводства, то искусство управлять в модусе биополитики заключается в эффективной регуляции жизни человека (под этим имеется ввиду адекватная «забота» о жизни в связи с внешними условиями, которые могли бы негативным образом сказаться на ее состоянии). Принцип воздействия власти на «жизнь» в данный момент крайне напоминает отношение суверенитета и «голой жизни», как это описывает Агамбен. Действительно, формулирование сущности биополитики происходит в рамках курса лекций «Нужно защищать общество», где еще не прослеживается связь либерализма и биовласти, что, однако, не мешает нам эту связь простроить далее.

Перед нами встает важнейший в рамках данного исследования эпистемологический вопрос. Дело в том, что в работе «Нужно защищать общество» Фуко формулирует общую идею биополитики, а в курсе «Рождение биополитики» он занимается «археологией» либерализма. Говоря иначе, ядро биополитики, т.е. регуляция жизни, которая описана в «Нужно защищать общество», не задействована в «Рождение биополитики», хотя в рамках мысли Фуко появление биовласти и становление неолиберализма, во-первых, происходят примерно в одно время, во-вторых, как-то связаны (что следует хотя бы из названия более позднего курса – «Рождение биополитики»). Наша гипотеза заключается в том, что регуляция «жизни» из раннего курса лекций, по существу, фактически вписана в либеральное искусство управления из позднего курса. Иными словами, именно становление либерального искусства управления позволяет власти трансформироваться в биовласть.

Эта трансформация основывается на новом отношении власти к суверенитету, а также на специфике функционирования «гражданского общества». Биополитическая сетка власти не имеет зоны гетерогенности между дисциплинарными практиками и зоной суверенного права, как это было в дисциплинарном обществе. Не только потому, что сами по себе дисциплинарные практики не играют решающей роли в функционировании биовласти, но и потому, что новые практики функционирования, собственно биополитические, тесно переплетены с системой законодательства. Здесь мы можем наблюдать сложное отношение суверенитета с остальными элементами власти. Во-первых, «гражданское общество» представляет собой объединение субъекта рыночных отношений и субъекта права, но, во-вторых, сам по себе суверенитет, более того, регрессирует и выходит за пределы правовых отношений, занимаясь регуляцией «жизни» и самого гражданского общества. Иными словами, если дисциплинарный тип власти разделен пространством суверенитета (в рамках системы права, выработанных Просвещением) и пространством практик дисциплинирования тел, то биовласть занимается регуляцией жизни посредством регрессии суверенитета и вытеснением практик экономического регулирования в зону «гражданского общества». Однако необходимо понимать, что биополитические практики также могут быть вписаны в систему правовых отношений, что не отменяет их внешнего состояния по отношению к праву. Поскольку само по себе либеральное искусство управления заключается в том, что суверенитет регулирует «гражданское общество», значит, он потенциально может выходить за пределы, очерченные правовым субъектом, например посредством отмены тех или иных свобод и прав. Здесь мы можем наблюдать очевидное пересечение с мыслью Агамбена.

Это вытеснение будет иметь далеко идущие последствия, о которых мы скажем ниже. Дисциплинарная власть действовала посредством институтов микровласти, т.е. функция надзора и контроля за индивидом осуществлялась в стенах этих институтов, что совпадало с иными их функциями (школа как место дисциплинирования, создания «гражданина» и т.п., а также как место усвоения коллективного опыта в виде знаний). Биовласть же, используя свое суверенное право, обращается к индивиду напрямую, вернее, к нему как к «проявлению жизни» (например, массовая вакцинация). В этом обращении можно проследить черты королевского суверенитета, который действует исходя не из установленных правовых норм (поскольку суверенный король стоит над ними), а из собственной воли.

Получается, что в анализе биовласти Фуко присутствует определенная двойственность. Биополитика как регуляция жизни осуществляется властью, но каким образом? Под выражением, что власть регулирует «жизнь» индивида, необходимо подразумевать наличие определенных институтов и аппаратов, в рамках практик которых и происходит регуляция. Это может быть прямое институциональное установление

власти, о чем мы будем говорить, когда будем проводить параллели между концепциями Фуко и Агамбена. Но это также может быть и новый властный «план референции», т.е. «гражданское общество». Ведь экономическое регулирование теперь дано на откуп рыночным агентам при минимальном регулировании. Быть может, в концепции Фуко именно этот уровень является ключевым в плане механизма реализации биополитики?

Однако первоначально необходимо сконцентрироваться на «трансцендентальных» аспектах подобной регуляции. Как мы отмечали выше, регрессия суверенитета стала возможной благодаря нескольким основополагающим моментам. Во-первых, ранее (XIX – первая половина XX в.) экономическая жизнь индивидов определялась условиями государственного регулирования (даже при наличии либеральной экономической модели принципы дирижизма во Франции, государственный социализм в кайзеровской Германии и т.д. являлись неотъемлемыми чертами экономических моделей западных стран), что означало внедрение в процессы производства и распределения дисциплинарных практик. Для примера можно рассмотреть процесс производства и приложения к этому производству труда на пресловутом промышленном предприятии. Нормирование заработной платы и штрафы, заводская дисциплина (имеется ввиду перечень действий, разрешенных и запрещенных на заводе), трудовая этика, способ досуга (например, в рабочих кварталах) и т.д. Говоря иначе, производство «рабочей субъективности» происходило в условиях заводской действительности со всеми ее способами и формами подвести индивидуальную субъективность к «нормальной», коллективной через воздействие на тело. Теперь же экономическая деятельность индивидов подчиняется принципам *laissez-faire* и вытеснена за пределы взора власти, однако из этого не следует, что дисциплинарные практики исчезли. Практики воздействия на тело сохранились, а «гражданское общество» в своем конкретном воплощении на определенной территории становится выражением института микровласти.

Воспользовавшись терминологией А. Бадью, можно сказать, что политический порядок не является исчислимым, т.е. он не поддается репрезентации в своих элементах. Задача власти заключается в исключении всякой политической субъективности, в реализации принципа «постоянства», иными словами, в стабилизации пространства политического [10. С. 222]. С этой точки зрения получается, что задача власти состоит в нормализации и стабилизации политического пространства, а шире – и всей общественной структуры, о чем мы уже упоминали ранее, когда обращались к концепту Гоббса из «Левиафана». Но поскольку, в рамках биополитики, власть не взаимодействует с экономикой и правовой структурой напрямую, то она вынуждена обращаться к жизни человека как таковой. В противном случае эффективная стабилизация общества и политического будет невозможна.

Объединение двух концепций биополитики

Если обращение власти к жизни является новой формой искусства государственного управления, то, обобщая наше рассуждение и пытаясь подступиться к синтезу концепций Фуко и Агамбена, для наглядности мы можем представить следующее гипотетическое отношение биовласти и общественной структуры, но в схематичном изображении:

1) Функционирование биополитики:

i) Зона суверенного права биовласти.

(1) Регуляция жизни.

(a) Функция исключения.

(b) Регуляция «голой жизни».

ii) Зона либерального искусства управления.

(1) Гражданское общество.

(a) *Homo economicus*.

(b) Правовой субъект.

Однако, каким образом возможно в вышепредставленной схеме нахождение понятия «голая жизнь» (пункт a-i-2)? Ранее мы выделили специфику современного обращения суверенной власти с индивидом как отношение исключения/отвержения, что привело нас к понятию «голая жизнь», введенному Агамбеном. Суверенная регуляция жизни в рамках биополитики, по существу, есть ситуация чрезвычайного положения, в котором находится «голая жизнь», поскольку суверенитет власти напрямую занимается ее регулированием. Ранее мы употребляли понятие «регулирования жизни», можно сказать, бессодержательно. Теперь необходимо наполнить данное понятие конкретным содержанием. Регуляция жизни обозначает своего рода «заботу» о жизни (право «заставить жить»). Это не просто надзор и контроль за физиологическим состоянием человека и коллектива, но и активные практики сохранения «здоровой» жизни. Всеобщая вакцинация населения, усиление санитарного снабжение населения, в некоторые периоды (XIX в.) «сдерживание» сексуальной распущенности, в конце концов, институт всеобщего здравоохранения, призванный для того, что сохранять и продлевать жизнь. В целом, на первый взгляд, может сложиться впечатление о позитивности и необходимости всего вышеперечисленного, однако с позиции определенной «демистификации» властных отношений, необходимо отметить *acting out*, то, что Ж. Лакан называет побочным следствием интерпретации в процессе анализа. Побочным следствием в данном случае является захват жизни индивида властью. Если появление медицины, развитие биологии и ее дальнейшее практическое применение, становление и упадок евгеники и т.д. были обусловлены, скорее, автономными от власти областями науки и ее применения, то захват «жизни» со стороны власти является не намерением самой власти и ее государственных аппаратов, а скорее тем, что позволило обществу войти в «постдисциплинарный период». С этой точки зрения *acting out* – это нечто избыточное, и биополитика, по нашему мнению, выступает подобным избытком. С одной стороны, в современном западном либеральном обществе с его известным количеством политических и

экономических свобод царит «царство свободы» (в идеологическом измерении, конечно), с другой стороны, при наличии развитой правовой системы, где закон возведен в статус непоколебимого авторитета в глазах общественности, кругом господствует чрезвычайное положение, в центре которого располагается «голая жизнь», благополучно охраняемая неолиберальными правительствами Запада.

Наш анализ биополитической парадигмы власти у Фуко подытоживается двумя основополагающими тезисами: 1) биополитика оперирует понятием жизни, что позволяет регулировать жизнь; 2) биополитика основывается на либеральном искусстве управления. При этом необходимо специально указывать, что область аккумуляции жизни не связана с суверенитетом власти. Однако, как мы выяснили, благодаря анализу Агамбена, что именно регрессия суверенитета (к старым его формам) позволяет власти напрямую воздействовать на «голую жизнь». Но опять же необходимо заметить, что установление прямого отношения жизни и суверенной власти в действительности происходит крайне редко. Чаще всего отношения «голой жизни» и суверенитета опосредованы чем-то третьим. Из анализа Агамбена ясно, что лагерь является зоной неразличности между нормальным функционированием закона и его непосредственной приостановкой (более того, чрезвычайное положение в лагере становится правилом), в рамках которой и существует жизнь как таковая [З. С. 214], но подведение западных неолиберальных обществ, описанных Фуко, под это понятие представляет некоторую теоретическую трудность, которую мы пытаемся в рамках этой работы, собственно, и разрешить, что мы увидим на основе дальнейшего анализа.

Обращение к вышеизложенной схеме позволяет представить три ключевые гетерогенные зоны. Зона субъекта права в гражданском обществе. Она полностью находится под ответственностью государственного суверенитета, поскольку является учрежденным институтом власти, но само по себе нахождение права и субъекта права в зоне суверенитета не создает отношения исключения (как с «голой жизнью»), поскольку суверенитет не выходит за границы учрежденной им власти, а лишь может приостанавливать функционирование права для регулирования жизни. Важно заметить, что это регулирование отсылает нас к непосредственному отношению суверенитета и жизни, т.е. возможности их связи за пределами каких-либо правовых отношений. В этом смысле установленная система права автономна по отношению к власти, однако может этой властью приостанавливаться. Во-вторых, в предельном своем выражении, биополитика реализовывалась в нацистской Германии, в которой область «гражданского общества» (синтез *homo oeconomicus* и субъекта права) отсутствовала. Из этого следует, что биополитика и суверенная власть могли обходиться без теоретической конструкции «гражданского общества», которую вводит Фуко. В таком случае возникает вопрос, как возможно соединить зону суверенного права биовласти и область либерального искусства управления, и существует ли вообще необходимость в этой процедуре?

На наш взгляд, если в анализе Агамбена не присутствует элемент либерального искусства управления, а также если в Германии 1930–1940-х гг. биовласть была способна функционировать лишь посредством суверенитета и фигуры Фюрера, то из этих двух фактов не проистекает неверность анализа Фуко, который он предпринял в курсе лекций «Рождение биополитики». Введение «гражданского общества» есть проявление некоторого социального симптома. Как мы говорили выше, появление нового способа легитимации государства в ФРГ (через «гражданское общество») находит своей причиной отрицание прошлого способа легитимации (через суверенитет), в результате чего происходит «метонимическое» смещение суверенитета, его опосредование иными инстанциями власти и «гражданского общества». В парадигме современных западных государств прямая регуляция жизни скорее является частным случаем биополитики, а не самим способом функционирования власти. Введение чрезвычайного положения, например текущего локдауна, действительно есть проявление суверенитета власти в вопросе «заботы о жизни», поскольку власть определенным комплексом мероприятий (проведение всеобщей вакцинации, «временное» закрытие предприятий сферы услуг и т.п.) «охраняет» физиологическое существование индивида. Но ведь локдаун является чрезвычайным шагом, вызванным распространением эпидемии. Внешне кажется, что биополитика функционирует лишь как инструмент, необходимый тогда, когда власть и общество сталкиваются с неординарным вызовом. Однако это совершенно не так, и, исходя из логики того, что биополитика не может являться только лишь частным инструментом, становится более очевидно, для чего Фуко вводит концепт «гражданского общества».

«Гражданское общество» и рынок как механизмы биовласти

«Гражданское общество», по сути, также является местом влияния и функционирования биополитики о чем, например, пишет Лоран де Суттер в работе «Наркокапитализм. Жизнь в эпоху анестезии». Обратимся к его рассуждениям относительно выпуска на американский рынок в конце 50-х гг. XX в. препарата «Эновид»: «...если этот гормон (речь идет о прогестероне. – Авт.) действует на кроликов, то он может оказывать также влияние и на людей, а это сулило решение проблемы, которую старательно пыталась скрыть послевоенная Америка, – высокой рождаемости» [11. С. 122]. Грегори Пинкус, занимавшийся исследованиями в области разработки противозачаточных лекарств, получил достаточно солидную сумму на разработку, как пишет де Суттер, от представительниц женского движения (Маргарет Сэнгер, Кэитрин Маккормик) [11. С. 121]. Приведенная де Суттером информация ясно указывает на то, что в процесс регуляции жизни внедряются и частные корпорации (в случае с «Эновидом» – компания G.D. Searle). Предлагаем более детально ознакомиться с тем, каким в действительности образом «граждан-

ское общество» в лице рыночных агентов регулирует «голую жизнь». Обращение к работе «Время и собака. Депрессии современности» бразильского психоаналитика Марии Риты Кель позволяет понять, что для современного психоаналитического учения вопрос о депрессии и меланхолии играет значительную теоретическую роль. На рубеже XX и XXI вв. клиническая практика стала фиксировать рост числа депрессивных расстройств среди населения западных либеральных демократий: «По оценкам, лишь в Соединенных штатах от хронической депрессии страдают 3% населения, или 19 млн человек, из них 2 млн детей» [12. С. 49]. Приводимая психоаналитиком статистика на самом деле весьма удручает, поскольку в отдельных категориях этой статистики рост заболеваемости составляет 3 900% [12. С. 51]. В рамках данного исследования мы не будем заниматься поиском причин столь печальной ситуации. Мы хотим отметить другой специфичный факт, следующий из этой статистики. Неясно, как пишет сама Кель, является ли причиной депрессии современное состояние социальной сферы капиталистических обществ, однако видно, каким образом на рубеже веков постоянно меняются медико-психологические критерии депрессии [12. С. 54]. Более того, изменяется подход к лечению депрессивных субъектов. Если ранее, схожая с депрессией по специфике меланхолия не являлась важнейшим заболеванием в рамках клинической психологии (и даже психоанализа) и, следовательно, ее лечению не придавалось большого значения, то теперь депрессия находится в центре внимания медицины и фармакологии. Кель отмечает эту специфику через демонстрацию особого внимания к «просвещению» населения относительно симптомов депрессии в СМИ [12. С. 55], а также явного намека на способ медикаментозного лечения депрессии [12. С. 53]. Все эти факты в контексте биополитики приобретают своеобразный прибавочный смысл. Депрессия так или иначе порождается психосоциальными факторами и, что более важно, является одной из причин нетрудоспособности населения [12. С. 49].

Феномен депрессии, учитывая все вышесказанное, вполне логично становится одним из элементов в цепочке регуляции биовласти. Перенос внимания на медикаментозное лечение депрессии выводит ее из зоны «духовного» и психического человека в зону «физиологического» (неслучайно лечение депрессии в рамках психоанализа менее известно публике, чем многочисленные антидепрессанты). Однако специфика преодоления депрессии у «голой жизни» не подпадает в зону суверенного обращения с ней. Лечение депрессии происходит в рамках клиники, конструированием критериев занимаются специальные лаборатории, а созданием продукции фармакологического курса лечения занимаются крупные фармакологические компании (которые в том числе спонсируют исследовательские лаборатории). Таким образом, «гражданское общество» в лице различных экономических субъектов (в данном случае фармакологические компании) само является институтом и проводником биовласти, но на экономическом и медицин-

ском уровнях. Не только суверенитет оказывается тем элементом, который регулирует «голую жизнь», но также и экономические субъекты, будь то частные клиники или крупные фармакологические корпорации. Процедура конструирования критериев является, по сути, способом исключения/отвержения. На основании широко трактуемых критериев депрессии медицинская наука закрепляет разрыв между «здоровыми» индивидами и «больными». «Большая» с психической точки зрения жизнь превращается в «голую жизнь», поскольку, имея хотя бы частично симптоматику депрессии, индивид вынужден определять себя как потенциально «больного». При этом обращение к психиатру имеет следствием начало курса медикаментозного лечения. Иными словами, индивид на основе крайне широкой трактовки симптомов депрессии вынужден обращаться к психиатру, который назначит ему антидепрессанты. Во всем этом ряду «жизнь» конкретного индивида становится объектом манипуляций рыночных агентов. Тогда в чем разница между суверенным обращением с «голой жизнью» и точно таким же по структуре обращением со стороны «гражданского общества», а конкретно рыночными агентами? Только лишь в уровне и масштабе, на наш взгляд. Суверенное обращение функционирует в момент введения «чрезвычайного положения» и распространяется на «народонаселение», которое здесь выступает «голой жизнью». Регуляция «голой жизни», согласно законам рынка, а также частным интересам корпораций, которые заключаются, во-первых, в максимизации капитала, и, во-вторых, в распространении рынка сбыта, которой здесь приобретает не просто значение пространства потенциальных потребителей, но и психику субъектов, функционирует без прерывания обычного общественного порядка и распространяется на конкретного индивида. Феномен депрессии, рассматриваемый в данной статье, является очень показательным. Его появление в конце XX в. и рост внимания к нему свидетельствуют о том, что мы назвали переносом внимания с депрессии как расстройства области души и психики на физиологию и физиологически понимаемое устройство психики. Все это свидетельствует о том, что феномен депрессии является критерием функции биополитики как регуляции жизни.

Предлагаем теперь для более детальной иллюстрации нашей мысли обратиться к тому, что Жак Лакан называет дискурсом университета [13. С. 145]. Его отличительная особенность состоит именно в том, что агент этого дискурса говорит от лица знания. Иными словами, с позиции знающего субъекта, который может оперировать теми или иными теоретическими схемами, которые могут быть достоверно доказаны, подтверждены эмпирически и т.д. Однако сам переход к дискурсу университета осуществился в тот исторический период, который в рамках марксистской парадигмы принято называть первичным накоплением капитала. Речь идет о зарождении капитализма, о моменте, когда стало возможным исчислять наслаждение [14]. «Но уже сейчас я могу вам сказать, что на уровне университетского дискурса объект а

занимает место, которое задействуется всякий раз, когда возникает движение, – место более или менее терпимой эксплуатации» [15. С. 225]. Вместе с этим дискурс университета как следствие внедрил в социальные отношения то, что Лакан назвал терпимой эксплуатацией, т.е. такую эксплуатацию, которая может быть выявлена и на уровне дискурса утверждена (без относительной ее оценки), и более того, так как она связана с объектом малое а (объектом-причиной желаний), то к тому же в некоторой степени может быть желанной (потому как задействует регистр желания и возможность восполнить нехватку субъекта). Говоря иначе, дискурс университета так или иначе способствовал становлению и укреплению капиталистического способа производства, а учитывая нашу гипотезу о том, что биополитика сегодня осуществляется на уровне рыночного обмена, неудивительно, что депрессия и ее связь с психическим аппаратом подпадает под юрисдикцию частных клиник и становится в их стенах объектом «заботы о жизни».

Депрессия как часть конституции психики современных субъектов, с одной стороны, показывает себя критерием исключения/отвержения «голой жизни», но с другой – выступает как «исчисленный» (включенный в рациональный научный аппарат) университетским дискурсом элемент, который благодаря этому исчислению включается в логику экономической регуляции на рынке. Именно на это указывает аргентинский психоаналитик Хорхе Алеман в работе «Об освобождении»: «Поэтому при капиталистическом способе производства субъективности уместно задать один важнейший вопрос: какая часть жизни никогда не будет присвоена капиталистическим производством?» [16. С. 14]. То самое исчисление, которое привнес университетский дискурс (необходимо заметить, что прямой детерминации между возникновением капитализма и дискурсом университета в действительности нет, скорее, это опять же *acting out*) и которое весьма удачно с исторической точки зрения способствовало развитию капитализма и его укоренению в социальной реальности. В «Рождение биополитики» Фуко также имплицитно указывает на то, что либерализм как практика управления в рамках рыночной организации общества представляется «как принцип и метод рационализации управленческой деятельности – рационализации, которая подчиняется внутреннему правилу максимальной экономии» [17. С. 152], что

опять же подтверждает интеллектуальную интуицию Лакана. Если, тем не менее, вернуться к вопросу Алемана и попытаться дать на него ответ, то он будет весьма огорчительным, поскольку даже внутри психики, пожалуй, не остается места, которое бы не включалось в структуру товарного обмена и логики прибавочной стоимости / прибавочного наслаждения. Таким образом, клиническая психиатрия, легитимированная научными исследованиями в рамках симптоматики и методов лечения депрессии, фактически регулирует с помощью рыночных механизмов динамически меняющееся отношение «больного» и «здорового», что иллюстрирует механизм работы «гражданского общества» как механизм биополитический.

Заключение

Проведенный анализ биополитики вывел нас на ее понимание как новой сетки власти. Эта сетка власти основана на структуре исключения, которую тщательно проанализировал Агамбен. Мы же синтезировали два различных подхода к теоретическому осмыслению биополитики: предложенного Фуко и предложенного Агамбеном. Представляется, что структура функционирования биополитики в таком случае состоит из двух гетерогенных зон – зоны суверенного права власти и зоны либерального искусства управления. Либеральное искусство управления, как мы выяснили на основании анализа феномена современной депрессии, каузально связано с функцией регуляции «голой жизни», которая, в представлениях Агамбена, отдавалась целиком суверенному праву. Мы же показали, каким образом экономический субъект и экономические институты также могут являться элементом регуляции «голой жизни», основываясь не на особенностях суверенитета (который так или иначе относится к сфере политического), а на логике капиталистического производства. В итоге, объединив два различных подхода к проблеме биовласти, мы показали, каким образом возможно представить регуляцию жизни (концепт Фуко) через суверенное исключение/отвержение (концепт Агамбена), при этом разграничив зоны ответственности биовласти и сохранив логику размышлений Фуко относительно связи биополитики и либерального искусства управления («гражданское общество» как институт регуляции «голой жизни»).

Список источников

1. Фуко М. Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 10.10.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6709>
2. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
4. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб. : Наука, 2005. 312 с.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. Ч. 1. 384 с.
6. Батлер Дж. Психика власти: теория субъекции. СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.
7. Рансьер Ж. На краю политического. М. : Праксис, 2010. 240 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2005. Ч. 2. 320 с.
9. Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2. СПб. : Владимир Даль, 2021. 190 с.
10. Бадью А. Метapolитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метapolитике. М. : Логос, 2005. 40 с.
11. Де Суттер Л. Наркокапитализм. Жизнь в эпоху анестезии. М. : РИПОЛ классик, 2021. 208 с.
12. Кель М.Р. Время и собака. Депрессии современности. М. : Горизонталь, 2021. 370 с.
13. Смулянский А.Е. Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии. М. : РИПОЛ классик, 2021. 496 с.

14. Наумова Е.И. Концепция дискурсов Лакана: знание, наука, университет // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-diskurov-lakana-znanie-nauka-universitet> (дата обращения: 12.12.2021).
15. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969–1970)). М. : Гнозис ; Логос, 2008. 272 с.
16. Алеман Х. Об освобождении. Психоанализ и политика. М. : Горизонталь, 2019. 224 с.
17. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Практикс, 2006. Ч. 3. 320 с.

References

1. Foucault, M. (2013) *Rozhdenie biopolitiki. Tsikl lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Translated from French. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/6709>
2. Žižek, S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the desert of the Real]. Moscow: Fond "Pragmatika kul'tury".
3. Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.
4. Foucault, M. (2005) *Nuzhno zashchischat' obshchestvo. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society must be defended. Lectures at the Collège de France, 1975–1976]. Translated from French. Saint Petersburg: Nauka.
5. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French and English. Part 1. Moscow: Praktiks.
6. Butler, J. (2002) *Psikhika vlasti: teoriya sub'ektsii* [The Psychic Life of Power: Theories in Subjection]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
7. Rancier, J. (2010) *Na krayu politicheskogo* [On the shores of politics]. Translated from French. Moscow: Praktiks.
8. Foucault, M. (2005) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French and English. Part 2. Moscow: Praktiks.
9. Agamben, G. (2021) *Stasis. Grazhdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma. Homo sacer, II, 2* [Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer II, 2]. Translated from English. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Badiou, A. (2005) *Metapolitika: mozno li myslit' politiku? Kratkiy traktat po metapolitike* [Metapolitics]. Translated from French. Moscow: Logos.
11. De Sutter, L. (2021) *Narkokapitalizm. Zhizn' v epokhu anestezi* [Narcocapitalism: Life in the Age of Anaesthesia]. Translated from English. Moscow: RIPOL klassik.
12. Kehl, M.R. (2021) *Vremya i sobaka. Depressii sovremennosti* [Time and the dog. Society and depression]. Translated from English. Moscow: Gorizontat'.
13. Smulyanskiy, A.E. (2021) *Ischezayushchaya teoriya. Kniga o klyuchevykh figurakh kontinental'noy filosofii* [Disappearing theory. A book about the key figures of continental philosophy]. Moscow: RIPOL klassik.
14. Naumova, E.I. (2015) *Kontsepsiya diskurov Lakana: znanie, nauka, universitet* [The concept of Lacan's discourses: knowledge, science, university]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-diskurov-lakana-znanie-nauka-universitet> (Accessed: 12.12.2021).
15. Lacan, J. (2008) *Iznanka psikhoanaliza (Seminar, Kniga XVII (1969–1970))* [The other side of psychoanalysis. (Seminar, Book XVII (1969–1970))]. Translated from French. Moscow: Gnozis; Logos.
16. Aleman, J. (2019) *Ob osvobozhdenii. Psikhoanaliz i politika* [On liberation. Psychoanalysis and politics]. Moscow: Gorizontat'.
17. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French and English. Part 3. Moscow: Praktiks.

Информация об авторах:

Сыров В.Н. – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat@inbox.ru

Сединин Я.А. – студент кафедры онтологии теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: comsedinin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.N. Syrov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Ontology, Theory of Cognition and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat@inbox.ru

Ya.A. Sedinin, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: comsedinin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 07.03.2022;
approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.*